

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. В. Хухлаева, А. С. Кривцова

ЭТНОПЕДАГОГИКА

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

*Допущено Учебно-методическим отделом
высшего образования в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по гуманитарным направлениям и специальностям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 37
ББК 74.200.25я73
Х98

Авторы:

Хухлаева Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета;

Кривцова Анна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

Рецензенты:

Вачков И. В. — доктор психологических наук, профессор Московского городского психолого-педагогического университета;

Ткаченко Н. В. — кандидат психологических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

Хухлаева, О. В.

Х98 *Этнопедагогика. Учебник и практикум : учебник для бакалавров / О. В. Хухлаева, А. С. Кривцова. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 333 с. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.*

ISBN 978-5-9916-3402-1

В учебнике раскрыто содержание курса «Этнопедагогика» как опыта воспитания детей в народной культуре. Большое внимание уделяется выявлению позитивных достижений, ценностей воспитания в традиционной культуре. Анализируются современные проблемы детства и отрочества, вызванные утратой традиций. Учебник содержит приложения, позволяющие организовать самостоятельную работу студентов, придав ей творческий и практико-ориентированный характер.

Соответствует Федеральному государственному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов, обучающихся по различным педагогическим и психологическим специальностям.

УДК 37
ББК 74.200.25я73

ISBN 978-5-9916-3402-1

© Хухлаева О. В., Кривцова А. С., 2013
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Традиционное общество и традиционная культура	10
1.1. Роль ритуала в традиционной культуре.....	10
1.2. Общее и этнически специфическое в различных традиционных культурах.....	19
1.3. Влияние экологических и экономических факторов на практики воспитания в традиционной культуре.....	34
1.4. Воздействие социальных, экономических и других факторов на становление и развитие традиционной педагогической культуры	39
1.5. Возрастная периодизация в традиционном обществе.....	46
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>49</i>
Глава 2. Влияние состояния родителей до родов и во время родов на развитие и последующую социализацию ребенка.....	51
2.1. Формирование установки на рождение ребенка у молодых супругов	51
2.2. Специфика действий бездетных супругов	62
2.3. Женщина в период беременности и родов	68
2.4. Мужчина в период беременности и родов жены.....	85
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>91</i>
Глава 3. Младенчество (первый год жизни ребенка)	93
3.1. Воздействие общества на семью и ребенка через ритуалы	93
3.2. Роль матери и отца в развитии и социализации ребенка	125
3.3. Фольклор как средство ухода за ребенком.....	132
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>137</i>
Глава 4. Первый период детства.....	138
4.1. Воздействие общества на семью и ребенка через ритуалы	138

4.2. Роль матери и отца в социализации ребенка и специфика усвоения социальных норм	143
4.3. Роль игры и игрушки в развитии и социализации ребенка.....	156
4.4. Место фольклора в развитии и социализации ребенка	180
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	190
Глава 5. Второй период детства	191
5.1. Воздействие общества на семью и ребенка через ритуалы и обычаи.....	191
5.2. Роль матери и отца в социализации ребенка и специфика обучения.....	198
5.3. Роль группы сверстников в социализации ребенка	202
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	205
Глава 6. Подростковый возраст	206
6.1. Воздействие общества на семью и ребенка через ритуалы	206
6.2. Роль общения со сверстниками в социализации молодежи	221
6.3. Место фольклора в социализации молодежи.....	233
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	242
Заключение	243
Приложения.....	250
Литература	332

Предисловие

Дети в современном обществе являются безусловной ценностью. Стремительно растет индустрия развивающих игр и игрушек. Увеличивается количество центров раннего развития. Ширится сеть возможностей дополнительного образования: к музыкальным и художественным школам добавляются различные кружки и секции, вплоть до дайвинга и конного спорта. Выбор школы для первоклассника становится испытанием для всей семьи. Подготовка к школе начинается чуть ли не с рождения человека. Каждый родитель, обучая ребенка в различных, даже самых лучших, учебных заведениях, сталкивается с теми или иными трудностями его воспитания. Практически перед всеми встают вопросы: как воспитывать любимого сына или дочку? на какие ценности опираться? Воспитывать с опорой на личный опыт, т.е. так, как воспитывали родители в детстве, или как-то по-другому? Желая вырастить ребенка счастливым, уверенным в себе и успешным в обществе, родители нередко добиваются своими действиями противоположного результата.

Может быть, помочь родителям могут учителя, которые изучили педагогические подходы к воспитанию? Современные педагоги, однако, в основном также воспитывают учащихся на основе личного опыта или интуитивно находят какие-то другие методы. Учителя горячо обсуждают вопрос о том, кто несет ответственность за воспитание ребенка — семья или школа, какое воспитание более значимо — семейное или общественное.

Получается, что и семья, и школа явно ощущают кризис в процессе воспитания. Возможно, поэтому одним из основных воспитателей становятся средства массовой информации, которые выполняют заказ рынка, наполняя сознание детей через некачественную продукцию стремлением получать, покупать, разрушать. В результате ребенок нередко растет не счастливым и успешным, а тревожным, внутренне неуверенным в себе и внешне агрессивным. Как следствие,

педагоги, психологи и социологи фиксируют омоложение детской преступности и суицидальности, врачи — повышение детской заболеваемости.

Одним из вариантов разрешения проблемы является осмысление исторического опыта воспитания, в чистом виде существовавшего в традиционных культурах. Как отмечает Н. А. Бутинов, исследовавший детство в условиях родового строя, традиционные формы воспитания при всем их многообразии, вызванном конкретными природными и социальными условиями каждого из них, имеют много общего. За многообразием можно увидеть общую модель, которая существовала в течение тысячелетий в самых разных условиях и заслуживает внимания и изучения.

Описание воспитательного опыта прошлого или, другими словами, народной педагогики, важно еще и потому, что изменения в современном обществе настолько стремительны и кардинальны, что у многих людей появляются ощущение угрозы нарушения своей идентичности и, соответственно, страх перед этим. Обращение к традиционным формам жизнедеятельности может помочь человеку сохранить внутреннюю стабильность и целостность, психическое и физическое здоровье.

Широкое использование термина «народная педагогика» и утверждение ее особой ценности относят к заслугам К. Д. Ушинского, который, в частности, говорил, что воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ. Эти слова выдающегося педагога можно применить не только к русскому народу.

Первые попытки систематического изучения народной педагогики можно увидеть в работах известного американского этнографа М. Мид.

Среди российских ученых следует вспомнить работы этнографа и фольклориста Г. С. Виноградова, первое исследование которого было посвящено изучению народных игр у бурят. Позже, в 1926 г., им была написана книга «Народная педагогика».

Однако первой научной педагогической попыткой изучения народной культуры стала работа Г. С. Волкова, предложившего в 1962 г. термин «этнопедагогика», который к XXI в. получил широкое распространение.

Можно сказать, что благодаря Волкову возникла этнопедагогика как наука. Это стало возможным после его утверждения о том, что зачатки педагогической культуры являются

общими у всех культурных групп. Этническая специфика, по мнению ученого, касается только отдельных частных деталей и приемов. В качестве иллюстрации этого положения Волков приводит пример трудового воспитания детей, когда всеобщим правилом являлось включение в него этнически специфической коллективной трудовой помощи, например, у чувашей использовалась такая форма, как «ларма» — общественная проверка подготовки девочек на чужой улице или в чужой деревне.

Общность традиций воспитания в народной культуре Волков объяснял общими целями воспитания, необходимыми для жизни человека в обществе. Например, общечеловеческой целью ученый считал формирование у человека гармонии между адаптацией к окружающей среде и возможностью ее видоизменять. При этом национальные идеалы воспитания не противоречат друг другу по своей сути, а суммарно создают облик гармоничного или, как его называл Волков, совершенного человека. Более того, общие традиционные формы воспитания носят характер стереотипов, поэтому они более постоянны, чем национально-этнические черты, которые склонны видоизменяться под влиянием естественных условий. С такой позицией Волкова нельзя не согласиться (далее в параграфе 1.2 детально рассматривается вопрос о наличии общего и культурно-специфического в практиках детского воспитания).

Следующая важная позиция Волкова касается эффективности этнопедагогики. Ученый объяснял это тем, что педагогические выводы последней являются результатом отбора и фильтрации огромного количества педагогических поступков, обобщения колоссального числа педагогических результатов. При этом поведение берется во времени, изменяющемся в больших педагогических масштабах. В итоге происходит переход количества в качество, что проявляется в «высоком уровне объективности педагогических выводов народа, в их убедительной силе и незыблемости»¹.

Именно из-за своей эффективности, как утверждал Волков, народная культура в состоянии обогатить мировую цивилизацию. В связи с этим она подлежит тщательному изучению².

¹ Волков Г. С. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974. С. 27.

² Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Academia, 1999.

Определим как предмет этнопедагогики опыт воспитания детей в традиционной культуре. Данный предмет позволяет выделить следующие задачи.

1. Выявление позитивных достижений, ценностей воспитания в традиционной культуре.

2. Осмысление современных проблем детства и отрочества, вызванных утратой традиций (например, уменьшение родственных связей и возрастающее в связи с этим одиночество человека в толпе).

3. Поиск ресурсов традиционного воспитания для использования в современных условиях.

Понятно, что этнопедагогика является междисциплинарным предметом и имеет связи с педагогикой, поскольку речь идет об оптимизации воспитательных воздействий в отношении ребенка. Материал, который анализируется для выявления общих закономерностей воспитания, представлен этнографическими исследованиями. Для его анализа используются знания, накопленные возрастной психологией. В связи с этим структура курса определяется общей схемой изложения материала в возрастной психологии: пренатальный период, младенчество, дошкольный, младший школьный и подростковый возраст. Однако поскольку в традиционной культуре забота о воспитании ребенка начиналась несколько раньше пренатального периода, глава 1 учебника носит более широкий характер и имеет другое название. Ввиду отсутствия школ и детских садов в традиционной культуре, резкой границы между ранним и дошкольным возрастом авторы учебника позволили себе объединить ранний и дошкольный возраст в первый период детства, а младший школьный — назвать вторым периодом детства.

Таким образом, этнопедагогика должна рассматриваться на стыке трех наук: педагогики, психологии, этнографии, и в ней уместно использовать понятийный аппарат, принятый в данных науках. В связи с этим в дальнейшем понятия «воспитание» и «социализация» будут употребляться синонимично как процесс усвоения и переработки ребенком социально-культурного опыта общества.

Этнопедагогика, очевидно, призвана стать практико-ориентированным курсом. Студенты должны уметь использовать ценности народной культуры в своей практической работе, поэтому целесообразно предлагать им эссе и творческие задания, основным содержанием которых и станут способы применения полученных знаний в современной жизни.

Ввиду особой важности этой работы примеры выполнения студентами таких заданий приведены в приложениях. Также в приложениях приведены материалы из опыта работы авторов учебника с детьми и родителями, основанные на понимании ценностей народной культуры.

Косвенным результатом освоения студентами курса «Этнопедагогика» должно стать формирование у них этнической толерантности, поскольку учебник акцентирует внимание не на наличии культурных особенностей народной педагогики, а, напротив, на культурных универсалиях. Обучающиеся начинают понимать, что у разных этносов при различии форм использованных обрядов и традиций, содержание последних во многом близко друг к другу. Это поможет студентам осознать сущностное сходство разных в культурном и географическом плане народов, а понимание сходства людей — важнейшая предпосылка принятия ими друг друга.

В современных условиях нарастания миграционных процессов для студента — будущего психолога этническая толерантность является важным профессиональным качеством.

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать

- особенности социализации детей каждого возраста в традиционной культуре;

- способы общественного влияния на социализацию детей;

- позитивные достижения в воспитании детей в традиционной культуре;

уметь

- осмыслять процесс воспитания детей;

- видеть возрастные особенности в воспитании;

- сопоставлять процесс воспитания в современной жизни и традиционной культуре;

владеть

- методами поиска ресурсов воспитания в традиционной культуре;

- навыками анализа проблем современных детей;

- способами видоизменения обрядов традиционной культуры для использования их в современной жизни.

Глава 1

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- особенности традиционной культуры, ее сходство с современной культурой и отличия от нее;
- возрастную периодизацию в традиционной культуре;
- структуру обрядов и их типологию;

уметь

- сопоставлять процесс воспитания в современной жизни и традиционной культуре;

владеть

- методами поиска ресурсов воспитания в традиционной культуре.
-

1.1. Роль ритуала в традиционной культуре

По определению, данному И. Т. Пархоменко и А. А. Радугиным, традиционная культура представляет собой устойчивую, нединамичную культуру, характерной особенностью которой является то, что происходящие в ней изменения идут слишком медленно и поэтому практически не фиксируются коллективным сознанием данной культуры. В истории существовало много культур, которые можно назвать традиционными и которые при этом отличались своеобразием. При этом, как отмечают Пархоменко и Радугин, им присущи некоторые общие черты:

- ориентация на повторение некогда заданного образа жизни, обычаев, традиций и воспроизводство сложившихся социальных структур;
- приверженность существующим образцам поведения;
- медленные темпы изменений видов, средств и целей деятельности;

— господство сакральных, религиозно-мифологических, канонизированных представлений в сознании.

Важнейшей составляющей традиционной культуры является ритуал. Опишем его роль, основываясь на анализе этого вопроса, сделанном А. К. Байбуриным. Как отмечает последний, ритуал относится к числу символических форм поведения; в нем конструируется особого рода реальность, которая с точки зрения традиционного сознания отнюдь не условность, но подлинная, единственно истинная. Ритуал как бы высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которая в обыденной жизни затемнена, не видна, но на самом деле определяет их истинную суть и назначение. Отсюда и двойственность всех явлений, способность быть чем-то одним в быту и совершенно другим в ритуале, та двойственность, которая обеспечивает удивительное переключение с уровня ежедневной жизни, забот и рутины на уровень актуальных ценностей.

По мнению Байбурина, одна из основных структурных особенностей ритуала как раз и заключается в том, что его жесткая схема не только допускает, но и живет за счет импровизации, которая особенно явственно ощущается на стыках частей ритуала, в постоянной игре статусов участников, в рискованных экскурсах в запретные (для бытового поведения) сферы.

Интересно, что когда речь заходит о ритуале и других формах поведения, естественным их коррелятом считается обычай, т.е. канон повседневной жизни. Создается впечатление, что эти две формы покрывают всю сферу регламентированных форм поведения. Между тем ритуал и обычай — крайние точки на шкале символических форм поведения. Если под ритуализацией понимать не принадлежность к области сакрального, а такие характеристики поведения, как стереотипность, наличие стандартов осуществления, регламентированность, обязательность (с соответствующей градацией «неблагополучия» в случае их невыполнения), то высшей ее степенью будут обряды, от выполнения которых зависят жизнь и благополучие коллектива, а низшей — обычаи, регламентировавшие повседневную жизнь (отступления от них могут сказаться на нарушителе, но, как правило, не затрагивают благополучия всего коллектива). Между ритуалом и обычаем располагались переходные формы поведения, различавшиеся степенью ритуализации.

Чаще всего понятие «ритуал» используют как синоним понятия «обряд». Хотя есть мнение, что обряд — это совокупность ритуалов и поэтому является более широким понятием. Поскольку нас будет интересовать психологическое воздействие на человека, позволим себе эти понятия не разделять.

Выделяют обряды двух основных циклов — календарного и жизненного, т.е. обеспечивающих ритм жизни коллектива (календарные) и ритм индивидуальной жизни человека.

В качестве примера календарных обрядов опишем начало зимнего цикла у удмуртов¹, который начинался в дни зимнего солнцестояния, называвшегося «вожодыр». Первоначально это слово обозначало, очевидно, запретное, табуированное время, так как в этот период запрещалось работать, особенно строго соблюдался запрет на стирку. Объясняли это тем, что якобы в эти дни по земле гуляют страшные духи (вожо), приносящие человеку беды и несчастья.

Святочные духи (вожо), олицетворяющие потусторонние силы, наряду с чертями, бесами, имели с ними мало общего. Если последние воспринимались однозначно отрицательно, то первые имели двойную ипостась, поскольку, судя по обряду ряженья, олицетворяли души умерших предков, вернувшихся к людям в период безвременья. Сам по себе контакт с вожо, который происходил, по народным представлениям, в святки, воспринимался как вполне естественный и необходимый. Единственное, чего нельзя было допустить, — это смешения миров и их обитателей, которое могло нарушить важное для традиционного мировоззрения состояние равновесия. Чтобы этого не произошло, существовала тщательно продуманная система запретов-оберегов. В сумерки и ночью старались не ходить одни по улице, особенно боялись проходить через мост, около заброшенных домов, бань, так как считалось, что вожо обитают, «живут» там. Если случалось, что человеку необходимо было пройти по вышеназванным местам, то он должен был произнести заклятие: «Господи, Боже» («Остэ, Инмаре»).

В святки предписывали рукоделие (пряжание, вязание), но оно было ограничено временными рамками. Работать можно было только днем и поздно вечером. Прясть и вязать в сумерки строго запрещалось. Ни в коем случае нельзя было выливать грязную воду днем, только с наступлением

¹ URL: <http://vorshud.unatlib.org.ru>

темноты, но и в этом случае грязь прикрывали снегом, чтобы «вожо не увидели». Не разрешалось также выносить из печи золу, мять лен, делать солод, оставлять на ночь на улице выстиранное белье, иначе вожо «побезобразничает»: испачкает, раскидает. Считали, что надо быть осторожными и внимательными в последний день вожо. Например, рано утром не разрешали ходить за водой к проруби, колодцу: считалось, что там побывали вожо. Этот запрет связан с представлениями о том, что в этот день вожо «уходят» под воду («вожо ву улэ кошке»).

Вожодыр включало в себя несколько праздников, во время которых проводились обряды, направленные на проводы старого и встречу нового года. Празднование начиналось 7 января: толсур (буквально «зимнее пиво») — зимний праздник, ымусьтон (буквально «открывание рта») — название связано со снятием табу на пищу, наложенного после сйзбыл юон (осеннего праздника, проводимого в конце ноября — начале декабря). К праздникам в каждом доме стол устилали белой скатертью, клали на него каравай хлеба, ставили соль в солонке, чтобы тем самым обеспечить достаток и довольство на весь новый год. Обязательными обрядовыми блюдами в этот день были пельмени, перепечи, яичные лепешки. Заранее договорившись, со всей деревни в один дом несли по тарелке муки и пекли куарнянь — пресные лепешки. Вечером, освятив их, ели. Собирались только те, кто принес муку, но они могли и не приходить. Считалось, что каждый, кто принес муку, внес свой пай и этим принял участие в общей трапезе.

В качестве примера детских обрядов жизненного цикла приведем обряды, применяемые на Бали¹. За несколько месяцев до рождения ребенка проводится церемония, во время которой молятся за здоровье младенца. После родов плаценту и воды сжигают у передних ворот родительского дома, чтобы удержать душу младенца в доме. Родители и ребенок считаются нечистыми (*sebel*) и не могут входить в храмы. Когда младенцу исполняется 12 дней, проводится специальная церемония для того, чтобы узнать, душа кого из предков воплотилась в ребенке. В возрасте 42 дней младенцу дают имя, после чего и он, и его родители становятся чистыми. Ребенок не может касаться земли, пока ему не исполнится

¹ URL: <http://bali-solncetut.ru/about-bali/rituals.html>

105 дней. В этот момент проводится еще одна церемония, призванная определить будущий жизненный путь младенца.

Первый день рождения ребенка отмечают через 210 дней после рождения, т.е. через год по традиционному балийскому календарю. Малыша принимают в общество. По этому поводу устраивается праздник. Ребенку делают традиционную стрижку. Еще одна церемония проводится, когда у ребенка выпадают молочные зубы. Все молятся о том, чтобы нормальные зубы выросли крепкими и здоровыми. В период полового созревания осуществляют очень важный ритуал подпиливания зубов. Балийцы верят в то, что подпиливание шести верхних зубов так, чтобы они образовывали прямую линию, ослабляет негативное влияние шести смертных грехов: ревности, гнева, алчности, сладострастия, пьянства и невежества

Важно отметить, что если обряды жизненного цикла более или менее однородны (в плане ритуализации), то календарные обряды довольно существенно различаются по этому признаку. Степень их ритуализации особенно заметно отличается в локальных традициях, где всегда выделяется несколько главных праздников (реже — один), а остальные считаются (в разной степени) второстепенными.

Два основных типа обрядов имеют свои «продолжения» на более низких уровнях ритуального текста традиции. Сбои в ритме социальной жизни коллектива регулировались с помощью таких коллективных обрядов, как, например, ритуал вызывания дождя в случае засухи, опахивания селения при эпидемиях и падежах скота.

Дагестанские народы с помощью всевозможных действий и магических слов стремились вызвать дождь во время засухи¹. Крестьяне из трав или тряпок делали чучело: «пешапай» (лезгин.), «урттул ссихьу» (лак.), «земире» (кумык.), «гудил» (азерб., табасаран., таг.), «катакуш» (даргин.). Процессия с чучелом шла по аулу и исполняла обрядовую песню.

Во время обряда чучело «кІагІагІушла начи», или «забла начи», что означает «кукла Катакуша», или «кукла дождя», обливали водой. Этот обряд, по мнению исследователей, трансформировался из первобытного обряда человеческого жертвоприношения. Он состоял в следующем: в озеро или реку бросали человека для того, чтобы задобрить владыку,

¹ URL: <http://odnoselchane.ru>

божество вод. Позже стали довольствоваться тем, что чело- века только толкали, окунали, обливали водой.

В селе Урахи мужчину наряжали в старую одежду, наки- дывали на него палас и пускали по селу. Он шел и бил встречных мокрой тряпкой. Его поливали водой, давали яйца. Затем молодые люди села шли к озеру, где обливали друг друга водой. Некоторые в одежде лезли в воду и кри- чали: «Сделай нас мокрыми». Аналогичный обряд прово- дился в селе Уркарах, где, кроме описанных выше действий, молодые люди символически бросали одного в воду.

В сильную засуху все женщины села Харбук с мало- летними детьми от двух месяцев до двух лет поднимались на вершину горы, а затем, оставив детей одних, отходили в сторону. Детей предварительно раздевали догола. Когда дети начинали плакать, мамы воздевали руки к небу и закли- нали: «УркIецIи баркьа, БархIи (Пощади же, Солнце), Абне аквар дархIнаке (Детей без матерей), Марка даркьая ццубре (Дождь пошлите небеса) ЦIали иккван хьумаке! (На поля, огнем палимые!)». Этот обряд, получивший назва- ние «ДархIни лайбикIни» («бросание детей»), относится к обрядам умиловительного характера, в которых древ- ний человек надеется на пощаду природных стихий и небес- ных светил. Обряд известен у многих этногрупп даргинцев, аварцев, лезгин (села Усиша, Мекеги. Урахи, Ахты, Анди, Агул и др.). Аналогичные обряды существуют и у других народов мира: зулуска зарывает своих детей по шею в землю и, отойдя на некоторое расстояние, долго и мрачно завывает, затем откапывает их.

Сбои в ритме индивидуальной жизни устранялись соот- ветствующими индивидуальными ритуалами типа ворожбы, лечения с помощью ритуальных специалистов (особенно ярко это представлено в шаманских традициях).

А. Шумин и С. Сляднев сообщают, что часто во время лечения шаман собирает вокруг себя много зрителей. Это делается для усиления эффекта. Важно, чтобы зрители были спокойными и не разговаривали. Больной может находиться в любом удобном положении, но чаще лежа. Перед началом лечения шаман готовит трещотку, табачные ловушки, пред- ставляющие собой маленькие мешочки с табаком. Если лече- ние проходит в помещении, шаман зажигает свечи. Живой огонь на какое-то время парализует болезнетворных духов. Приглушенное, ровное, теплое освещение помогает сосре- доточиться и погрузиться в больного. Созданная свечой

атмосфера, словно создает энергетический каркас в помещении — различные шумы становятся глухими, добавляется ощущение тепла, — и шаман вместе с пациентом входит в транс. Помещение, в котором проводится сеанс, окуривается кусочком коры. Войдя в состояние транса, шаман подходит к лежащему больному и осматривает его. В трансе шаман легко обнаруживает место, где прячется дух болезни. После обнаружения духа шаман кладет на это место табачную ловушку. Если дух болезни не заходит в ловушку самостоятельно, шаман загоняет его, тряся трещоткой. Как только дух заболевания зашел в ловушку, шаман убирает ее, а затем закапывает. В своей работе шаман старается использовать духов-помощников, так как дух заболевания может оказать сопротивление. Дух-помощник сделает за шамана все и полностью защитит его от вторжения болезней. Как говорят шаманы, дух болезни можно определить по его внешнему виду и соотносить с нашими привычными определениями заболеваний¹.

На более низком уровне ритуализации линия коллективных обрядов продолжается в различного рода помочах (толоках), т.е. совместном неоплачиваемом труде крестьян, имевшем добровольный характер и часто принимавшем форму настоящего ритуального праздника по таким «регулярным» поводам, как, например, уборка урожая, трепанье льна и т.п.

Пример такого обряда, используемого индейцами Сьерры Перу, приводит Х. М. Родригес². Перед началом сева и после его окончания устраивают так называемый пампачай: приносят новую чуспу — сумку, сотканную из шерсти — с различными продуктами и специями, белой и красной кукурузой, унту (жиром ламы), бумагой, раскрашенной золотой и серебряной краской. Крестьяне берут по пучку пшеницы и дуют на него, потом, пока все присутствующие стоят на коленях, закапывают свое приношение в землю где-нибудь в укромном уголке поля. Затем все молятся, чтобы зерна были благосклонно приняты чревом земным, чтобы урожай был богатым, не случилось заморозков и болезней, всегда неожиданно сваливающихся на поля.

Другая линия, ориентированная на индивидуальный жизненный путь, реализуется на этом уровне в таких формах ритуализованного поведения, как посиделки, супрядки,

¹ URL: <http://book-magic.ru/old/2002/shamanis-01.htm>

² URL: http://mesoamerica.narod.ru/Nonmeso...indians_rites07.html

гулянья (с их явной ориентацией на последующие брачные отношения).

Приведем пример вятских посиделок. В отдаленном прошлом на супрядки собирались вечером только девушки с прялками (по-местному — с нрясницами). Они пряли, делились новостями, шутили, беседовали, играли, пели и весело проводили время до глубокой ночи. С течением времени на девичий огонек стали заглядывать парни, да притом с гармошками, и супрядки превратились в вечеринки с плясками и песнями. Супрядки проводились во время Святков, в один из свободных от игрищ и гаданий дней.

Вот как описывает супрядки у русских Г. А. Котельников.

«Вот уже сгущаются сумерки. Девушки, нарядившись и заплетя косы, а некоторые подрумянившись, накинув шубки и захватив прялки, веретена и куделю, бегут на супрядки. Изба оглашается звонкими девичьими головами и молодым здоровым смехом.

Девушки рассаживаются на лавки, стулья и начинают прясть. Некоторые приносят клубки готовой пряжи и занимаются вязанием. Атмосфера девичьего вечера продолжает наполняться веселыми шутками, разговорами и пением. Хозяева избы обычно не вмешиваются в их занятие. Позже приходят парни. Поскольку верховенство в устройстве посиделок принадлежит девушкам, то они вправе приглашать парней не только своей деревни, но и других, причем парни могут приходиться и без приглашений. Девичий приток на посиделки из чужих деревень, естественно, нежелателен. С появлением парней, хотя девушки и крутят веретена, уж какая тут пряжа! Парни то вытащат кудель, то спрячут веретено. А пока девушка ищет веретено, парни засунут прялку под лавку.

“Хватит, парни, пошутили...” — обращаются к ним девушки. Это значит, гармонисту пора за дело. Прялки убирают в угол, и парни приглашают девчат на кадрили. На супрядках обычно танцевали не двенадцать фигур, а шесть. После небольшого перерыва гармонист играет барабушку. Танцевали “Троечку”, темпераментный краковяк, падеспань, тустеп и другие.

Веселье делает время быстротечным. Полночь. Девушки расходятся с прялками и с недопряденной куделей. При этом те девушки, родители которых сомнительно относились к их трудовому занятию на супрядках, тайно брали с собой готовые, причем немалые, клубки пряжи. Для чего? Чтобы

утром дома показать свое “трудолюбие”: “Вот, мама, я вчера напярла клубок. А этот маленький не успела: все побежали домой”. В консервативных семьях к супрядкам относились с полным недоверием и поэтому не пускали туда дочерей, считали это баловством.

И еще одна святочно-крещенская особенность. Сложилась в наших местах традиция увозить девушек в гости к родственникам в другие деревни. Всякий раз молодые гости приезжали с прялками и куделью и охотно пряли. Тем более, если в семье растут свои девушки-дочери, такое времяпровождение было интересным и веселым. Молодые нарядные гости участвовали в супрядках и нередко вызывали к себе повышенный интерес местных парней»¹.

Обозначенный в общих чертах контекст функционирования ритуала и других форм поведения позволяет уточнить некоторые конкретные вопросы их соотношения.

Понятно, что в течение жизни многих поколений были выработаны разнообразные символические средства, которые использовались в ритуалах, поэтому сегодня существуют разнообразные варианты классификации магических действий и обрядов.

Так, Дж. Дж. Фрезер выделяет подражательную (имитативную) и контагиозную (заразительную) магию. В основе первой лежит «закон подобия». Имеется в виду, что подобное вызывается подобным, т.е. путем подражания ему.

Контагиозная магия предполагает, что если проделывать те или иные действия с предметом, который был в контакте с человеком, то можно воздействовать на самого человека.

Еще одна характеристика магии, по Фрезеру, позитивность-негативность. Позитивная магия по сути представляет позитивное предписание, как действовать в той или иной ситуации («Если сделаешь так, будет то-то»). Правило негативной магии построено на отрицании, запрете каких-то действий («Не делай то-то, чтобы не было того-то»).

Упомянутые типы магических действий не исчерпывают их многообразие. Кроме того, нужно иметь в виду, что некоторые ритуалы имеют смешанный характер.

Из сказанного можно сделать вывод, что в традиционной культуре социализация детей была тесно связана с явлением возрастных обрядов и ритуалов перехода в целом. Подготовка подрастающих поколений к оставлению старой

¹ URL: <http://kotelnich.info/history/gak/supr.shtm>

социальной роли и усвоению новой осуществлялась посредством конкретных ритуалов. Соответственно, цикл семейной обрядности являлся важным компонентом традиционной культуры каждого этноса.

1.2. Общее и этнически специфическое в различных традиционных культурах

Одним из наиболее дискуссионных сегодня является вопрос, насколько та или иная культура определяет социальное поведение ее индивидов и насколько последнее обусловлено культурно универсальными параметрами поведения.

Большинство исследователей (Г. К. Триандис, Дж. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен и др.) утверждают, что универсальные параметры поведения имеют важное значение. Имеется в виду, что существуют общие черты для всех культур. Причиной этого является единообразие психологического функционирования человека. Действительно, все люди имеют свой язык; у всех народов детство является достаточно длительным периодом, в течение которого ребенку требуется забота родителей; у всех существует потребность заботиться о здоровье и лечить болезни. Конечно, общность не отменяет отличий: используются различные языки, различные практики ухода за детьми. Способы лечения болезней и понимание их причин также зависят от культур.

Однако существуют универсальные алгоритмы социокультурного мышления, обеспечивающие выживание и воспроизведение этносов. Наличие любого универсального алгоритма объясняется необходимостью решения задач по удовлетворению базовых потребностей людей как членов социальной общности.

Под универсальными алгоритмами понимается универсальная последовательность действий, направленная на достижение определенного результата. Например, тело умершего необходимо похоронить, так как разлагающемуся труп не место на территории, где протекает жизнь членов социальной общности. Универсальный алгоритм социокультурного мышления здесь реализуется в ритуальных действиях, связанных с погребением и выражением скорби по усопшему.

Следует отметить, что культурные отличия более заметны, чем универсалии. Это объясняется тем, что они более ва-

риативны. Кроме того, тенденция акцентировать культурные особенности сегодня нередко скрывает политические или экономические интересы отдельных лиц или группы населения. В России эта тенденция стала особенно популярна после развала Советского Союза: «Разные — значит должны жить отдельно».

В связи с этим, прежде чем обсуждать культурные отличия, роль которых, безусловно, очень велика, еще раз остановимся на культурных универсалиях, которые, как уже говорилось, отражают психологические универсалии, присущие человеку как одному из многочисленных видов.

В ряде работ были сделаны попытки описать культурные универсалии теоретически. Так, известный культуролог и антрополог Б. К. Малиновский постулировал набор универсальных аспектов культуры, который основывался на главных универсальных потребностях человека. Главными биологическими потребностями он считал потребность в продолжении рода и сохранении здоровья. Исходя из этого, культурно-универсальными, по его мнению, являются стремление иметь развитую систему родства и определенные правила гигиены.

Наличие культурно-универсальных параметров утверждается и в социологии. Выдающийся социолог П. А. Сорокин утверждал, что различные культуры многочисленных народов и национальностей имеют в своей основе единое общечеловеческое творческое начало.

В других работах находятся экспериментальные подтверждения наличия культурных универсалий при изучении того или иного аспекта психологической жизни человека. Так, при изучении эмоций К. Изардом был обнаружен очень высокий уровень сходства у людей разных культур при интерпретации таких эмоций, как гнев, отвращение, страх, радость, интерес. Дальнейшие исследования П. Экмана доказали, что их результаты применимы и для традиционной культуры. В качестве испытуемых Экман использовал папуасов из бесписьменной культуры Новой Гвинеи, которым предлагалось идентифицировать эмоции, изображенные на фотографиях. В дальнейших исследованиях папуасов просили изобразить эмоции, которые они могут переживать. Впоследствии фотографии предлагались испытуемым американцам, которые интерпретировали их абсолютно правильно. Получается, что одни и те же культурные универсалии в эмоциональной жизни человека присущи и традиционной, и современной

культурам. Таким образом, можно предположить, что культурные универсалии могут не зависеть от уровня развития культуры.

Если говорить о детском развитии, то универсальным является тот факт, что для здорового психического развития личности маленькие дети должны иметь контакт с одним из взрослых. При недостатке социальных контактов у ребенка возникает та или иная форма социальной дезорганизации.

Соглашаясь с тем, что культуры имеют много общего в психологическом функционировании людей, нужно остановиться на так называемой «проблеме Гальтона», суть которой, как говорят Берри, Пуртинга, Сигал и Дасен, в том, что трудно отделить действительные культурные универсалии, которые являются следствием независимого развития, от заимствования культурами друг у друга различных культурных практик. Имеется в виду, что тот или иной тип поведения возник изначально в одной культуре, но распространился на другие.

Однако есть важный аспект развития культуры, который поможет в большей степени отделить заимствованные факторы от культурно-универсальных.

Проявления сходства в культурах можно ожидать, если сравниваются культуры, возникшие в одинаковых экологических и экономических условиях, расположенные поблизости друг от друга. Если же сходство наблюдается в территориально удаленных культурах, в обществах с различной экономической и социальной организацией, то, вероятнее всего, речь идет действительно о культурных универсалиях.

Еще одно важное замечание. Культурные универсалии чаще проявляются в тех аспектах жизни человека, которые в значительной степени биологически обусловлены.

Теперь обсудим не менее важную проблему — о культурных отличиях, заметив, что любая культурная группа всегда гетерогенна, поэтому речь может идти только об обобщенных культурных отличиях.

В свете проблем этнопедагогики важно отметить, что культурные различия между этносами проявляются в конкретных воплощениях универсальных алгоритмов, одним из которых являются ритуалы (обряды) жизненного пути, и это понятно, поскольку, как отмечал А. К. Байбурин, они выполняли *функцию социализации индивида*. Обряды готовили человека к социальной жизни, воспитывая в нем

необходимые качества, без которых невозможна его жизнь в обществе. Главные из них — самоконтроль, самоотречение, подчинение требованиям коллектива.

Более того, можно выделить культурно-универсальный набор ритуалов (обрядов), который присутствовал во всех культурах и формы которого, конечно, отличались культурным разнообразием.

Например, общепризнанно, что культурно универсальными являются такие обряды детского цикла, как первое пеленание, укладывание в колыбель, первое купание. Однако проведение их в разных культурах существенно различается. Общепринятое использование в свадебных обрядах хлеба как символа солнца также было различно. Где-то хлеб использовался при сговоре, где-то — на самой свадьбе. Действия тоже были разными. Однако хлеб или его заменители присутствовали в свадебных обрядах во всех культурах.

Также в обрядах детского цикла культура определяет степень выраженности ритуала. Например, подростковые инициации, которые в некоторых культурах в полной форме акцентируют таинство священного, таинство сексуального, таинство смерти и нового рождения, в других — присутствуют в редуцированной форме, ограничиваясь таинством смерти — нового рождения.

Культура определяет время проведения ритуала. В частности, первое купание могло осуществляться сразу после рождения или через несколько дней.

В зависимости от культуры обряд мог быть однократным или многократным. То же купание в некоторых культурах проводилось несколько раз.

Место для проведения обрядов в различных культурах также выбиралось по-разному. Где-то существовала привязка к рельефу местности или другим экологическим факторам, где-то ориентировались на определенные виды деревьев: сливу, березу, ель и т.п. Различались количество и состав участников тех или иных обрядов.

Безусловно, культурно обусловленными являются теории причинности, т.е. объяснения причины тех или иных действий, которые требуется совершить в определенной ситуации. Например, беременной женщине в первые месяцы везде предписывалась изоляция. Однако в одних местах это объясняли тем, что она становится нечистой и опасной для окружающих, а в других, наоборот, причиной отделения служило то, что она становится подверженной сглазу других

людей. Публичность обрядов также варьировалась в зависимости от культуры.

Культурно обусловленной можно считать гендерную асимметрию обрядов: в одних культурах только для мальчиков, в других — и для мальчиков, и для девочек. Важно отметить, что на обряды детского цикла влияет не только нематериальная, но и материальная культура общества.

Таким образом, если направленность и основная символика обрядов детского цикла относятся к культурным универсалиям, то конкретное воплощение их сильно зависит от культурных факторов. Именно поэтому в дальнейшем при обсуждении психологического значения тех или иных обрядов приводятся примеры конкретных вариантов их проведения в культурах, территориально удаленных и с различными социально-экономическими условиями. Эти примеры позволят нам утверждать, что данные обряды можно отнести к культурным универсалиям.

Однако культура влияет не только на средство социализации детей в традиционном обществе (обряды детского цикла), но и на результат социализации (личностные характеристики детей и выросших из них взрослых). Этот факт ни у кого не вызывает сомнений, но по поводу механизма влияния культуры на личность ребенка существуют разные точки зрения. Остановимся на основных взглядах и обсудим их достоинства и недостатки.

Некоторые исследователи считают, что влияние культуры осуществляется через *присущие культуре типы по уходу за детьми*. Имеются в виду прежде всего способы кормления и ухода за ребенком. Действительно, в этой области существует много культурных отличий. Например, среди кочевых охотников отлучение от груди ребенка происходило примерно в четыре года, в сельскохозяйственных обществах — в два-три года. В некоторых культурных практиках африканских народов существует традиция интенсивно массировать младенцев, что приводит, по мнению исследователей, к их более раннему физическому развитию.

Безусловно, влияет на развитие тесный физический контакт с матерью и наличие или отсутствие постоянной физической стимуляции, например ношения ребенка на спине.

Влияние практик воспитания на развитие ребенка можно рассмотреть в свете теории привязанности.

Привязанность к матери, согласно Дж. Боулби, формируется у ребенка примерно в шесть-восемь месяцев и является

достаточно стойким образованием. Ученым выделено три основных типа привязанности. *Уверенная привязанность* проявляется как позитивная реакция на незнакомца в присутствии матери, огорчение при ее уходе и возобновление активности при ее возвращении. *Тревожно-требующая привязанность* проявляется как настороженность при появлении незнакомца даже в присутствии матери, острая реакция на ее уход и требование долгого успокаивания после ее возвращения. Дети с *тревожно-избегающей* привязанностью, напротив, не ищут близости с матерью ни до ее ухода, ни после, слабо реагируют на присутствие незнакомца.

Как культурные практики воспитания влияют на привязанность? Оказывается, культуры различаются степенью участия матери и других членов семьи — отца, братьев и сестер, других родственников.

Действительно, в тех культурах, где кроме матери вокруг ребенка находится много родственников и знакомых, некоторые из которых тоже осуществляют о нем заботу, помимо привязанности к матери у ребенка формируется так называемая множественная привязанность к этим людям. В их обществе он также чувствует себя безопасно и спокойно, как и с матерью.

С возможностью формирования множественной привязанности соглашается В. Романова, которая отмечает, что в теории привязанности подчеркивается особая роль физического контакта в формировании эмоциональной связи между младенцем и объектом привязанности. В связи с этим те культуры, в которых больше телесного контакта не с матерью, а с другими людьми, ребенок именно к ним будет обращать свою привязанность. В. Романова иллюстрирует свои слова описанием детей в северной Нигерии, где за младенцем, как правило, ухаживают несколько няней и ребенок больше всего привязывается к тому человеку, с которым больше физически контактировал, а не к тому, который кормил.

Соглашаясь с тем, что культура действительно может влиять на развитие ребенка через практики ухода, отметим, что у этой позиции существуют и ограничения. Многие аспекты в развитии ребенка зависят не только от социальных условий, т.е. являются культурно-универсальными. В качестве примера можно привести современные исследования детей разных культур с различными типами пеленания: румынских (тугое пеленание), американских (свободное пелена-

ние) и африканских детей, у которых пеленание вообще отсутствовало (они находились на спине у родителей, и физическая активность у них была максимальной). В ходе исследования проверялась моторная активность детей. Оказалось, что примерно к году-полтора моторная активность действительно была неодинаковая (причем наибольшая у африканских детей), а примерно к двум с половиной годам эти различия были практически стерты. Таким образом, присущие культуре типы ухода за детьми действительно влияют на развитие личности ребенка, но придавать этому главное значение не стоит.

Есть другое мнение по этому вопросу. Культура влияет на развитие ребенка через *усвоение им принятых в обществе образцов и моделей поведения*. Для иллюстрации этого положения приведем описание У. Робертсона, который изучал жизнь аборигенов, живущих в Западной Австралии. Ученый упоминает любопытный способ развлечения, распространенный у маленьких девочек.

«Две девочки садились лицом к друг другу, согнув ноги и упершись друг в друга коленями, у каждой в руке была маленькая палка-копалка.

По условному сигналу одна ударяла другую по голове, обе при этом смеялись и шутили. Удары были довольно сильными, и автор этого сообщения видит в такой игре способ закалки, которая должна в будущем пригодиться всякой женщине, ведь мужья, добиваясь послушности и покорности своих жен, сплошь и рядом прибегали к насилию и нередко били женщин дубинками нула-нула по голове.

Чтобы выдержать такие удары, нужно иметь голову, тренированную с детства. Случалось, что одна из участниц упомянутой игры била соперницу слишком уж сильно, тогда разгоралась драка, ссора, яростные удары сыпались беспорядочно, в драку включались другие дети. Иногда доходило до того, что старшим мужчинам приходилось брать свои дубинки и силой разгонять драчунов. Вскоре девочки забывали свои обиды и снова становились друзьями»¹.

Действительно, в традиционной культуре между детскими группами и взрослыми не было большой дистанции. Дети всегда имели возможность наблюдать модели поведения родителей, стремились подражать им. Однако нельзя

¹ Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М. : Наука, 1992. С. 75.

говорить, что это единственный источник влияния на личность ребенка, поскольку в таком случае общество было бы статично, снова и снова повторяя образцы поведения родителей.

Другая точка зрения, связанная с механизмом влияния культуры на развитие ребенка, заключается в утверждении *влияния культуры на темперамент* и опосредованно на личностные характеристики. Действительно, в этнопсихологии для обсуждения динамических характеристик человека существует понятие «национальный темперамент», определяемое как динамические особенности проявления психических процессов у большинства представителей той или иной нации, народности. По мнению В. Г. Крысько, национальный темперамент влияет на эмоционально-экспрессивную специфику поведения и поступков людей как представителей определенной этнической общности, характеризует своеобразие их активности. Однако Крысько отмечает, что понятие «темперамент» в национальной психологии имеет иной смысл, нежели в общей психологии личности. Различия в активности наций объясняются в первую очередь не тем, что в одной нации больше холериков, а в другой — меланхоликов, а в том, что выработанные на протяжении веков традиционные формы поведения, реагирования социально одобряются и легче усваиваются каждым новым поколением, чем какие-либо другие. Это важное замечание, поскольку только в таком аспекте можно говорить о культурных различиях как темперамента, так и типа нервной системы.

В работе Берри, Пуртинга, Сигалла, Дасена «Кросс-культурная психология: исследования и применение»¹ приводится подробный анализ исследований, посвященных поиску культурной специфики динамических характеристик человека; делается вывод об их преимущественно биологической обусловленности, что не отрицает влияния культуры на свободу их проявления. Имеется в виду, что в обществах, где поощряется громкая быстрая речь, выразительная жестикуляция, люди с сильным типом нервной системы будут чувствовать себя наиболее комфортно, со слабым — вынуждены приспосабливаться. Напротив, медлительность, акцент на деталях, сдержанная жестикуляция, следование строгим правилам общения людям со слабым типом нервной системы дадут определенные преимущества.

¹ Берри Дж., Пуртинга А., Сигалл М., Дасен П. Кросс-культурная психология: исследования и применение. М. : Питер, 2007.

В качестве примера можно рассмотреть древнеиндийское общество, в котором человек с активно деятельным умом, не очаровывающийся мыслью как таковой и презирующий философские тонкости, был бы в невыгодном положении.

Также и среди индейцев зунни откровенный, инициативный человек, наделенный большей силой внушения, чем его соплеменники, рисковал бы прослыть колдуном и быть повешенным за большие пальцы, а человек, который всю свою жизнь любой ценой стремился к мистическому озарению и не обрел его, оказался бы совершенно беспомощным среди тех фундаменталистов из индейцев прерии, которые до сих пор не перенимали умение продавать и покупать религиозный опыт.

Выраженными динамическими особенностями обладают китайцы, которых можно отнести к слабому типу нервной системы, поскольку одной из наиболее характерных черт китайской культуры общения является отсутствие поспешных действий. Это нашло свое выражение и в китайских поговорках, одна из которых гласит: «Не страшно, что медленно, страшно остановиться». Интересно, что у китайцев четкая вокальная артикуляция, тихий голос и стилизация речи интерпретируются как самообладание и уверенность в себе. В то же время небрежное произнесение и формирование звуков наблюдается в стрессовых ситуациях, а в разговоре в своем кругу (социальной группе, семье, между коллегами и друзьями) скорость речи намного повышается.

С. Арутюнов говорит о том, что часто даже территориально близкие народы имеют различия в темпераменте. Так, по его данным, северокавказские горцы выделяются по быстроте и экспрессивности среди азербайджанцев, армян и грузин.

Далее обсудим следующий фактор, влияющий на развитие детей, — *принятое в культуре отношение родителей к детям*. На основании исследований 186 обществ учеными выделено четыре основных типа таких отношений.

1. Родительское понимание — теплое отношение.
2. Родительская враждебность и агрессия.
3. Родительская индифферентность и отрицание ребенка.
4. Родительский контроль.

Сейчас трудно допустить, что где-то существовали такие отношения, как родительская индифферентность и даже враждебность, поэтому в качестве примера приведем племя мондогуморов. Доминирующим типом у мондогуморов были

свирепые стяжатели мужчины и женщины. Нежные и ласковые мужчины и женщины оказывались париями в этой культуре. Женщина, которая накормила бы своей грудью чужого ребенка, овдовев, не нашла бы себе нового супруга. Ребенка нежелательного пола у них заворачивали в кору и бросали живым в воду. Кто-нибудь мог выловить это суденышко из коры, проверить пол ребенка и отправить его дальше.

Противоположный пример дает нам Южная Австралия. Матери (да и отцы тоже) постоянно ласкали своих детей. Женщины целовали детей, прижимаясь к ним губами и выдувая при этом воздух. Такой поцелуй сопровождался громким звуком. Если ребенок упал и ушибся, если его кто-нибудь из детей сильно ударил, мать громко плакала, царапала себя когтями или даже слегка ранила каменным ножом.

Эти два примера можно рассматривать как противоположные полюса. В большинстве культур отношение к ребенку не является столь полярным. Однако, говоря о культурных отличиях практик воспитания детей, необходимо учитывать общепринятое отношение к ребенку, которое существенно влияет на развитие последнего. Более того, есть мнение, что различия в отношении родителей к детям приводят к формированию разных типов личности.

Далее рассмотрим *влияние на развитие личности социальной организации общества*. Социальная организация общества в целом сильно воздействует на развитие ребенка, но можно выделить два фактора, влияние которых наиболее велико: наличие или отсутствие пересечения мира ребенка с миром взрослых и нормативные (принятые) отношения в семье ребенка. Рассмотрим их последовательно.

Наличие или отсутствие пересечения мира ребенка с миром взрослых влияет на такой важный фактор развития детей, как ролевая игра, которая, оказываясь, присутствует только в тех культурах, где есть пересечение мира ребенка с миром взрослых. Это понятно, поскольку в ролевой игре ребенок воспроизводит социальные нормы и отношения взрослых, что становится возможным в тех культурах, где детские группы имеют опыт совместного времяпрепровождения со взрослыми, например там, где детей рано включают в посильные трудовые дела.

Если же принадлежность к группе сверстников имеет особую важность, то ребенок ориентируется прежде всего на детскую среду и имитировать в игре социальный опыт взрослых ему не нужно.

Отсутствие ролевой игры приводит к бедности фантазии детей, некоторой жесткости поведения, неумению приспособиться к новым для них ситуациям, т.е. к недостаточной стрессоустойчивости.

В качестве примера приведем племя самоа¹. В течение первых 15—16 лет жизни главным социальным детерминантом поведения молодого самоанца оказываются нормативы его возрастной группы, а не личность взрослого. Традиции подчинения стандартам своей возрастной группы так сильны, что связь со взрослым человеком в более поздние годы может мало изменить сложившиеся привычки. Мужчины здесь очень похожи друг на друга. Заботливо воспитанные привычки благоразумного, стандартизированного поведения, соответствующего скорее социальному статусу, чем естественным склонностям или личностным особенностям, делают самоанцев довольно однородной массой.

Противоположная ситуация наблюдается у детей манос. Роль возрастной группы у них незначительна. Они ориентированы прежде всего на взрослых и, как следствие, усваивают отличительные особенности своих родителей.

Интересно, что ориентация на возрастную группу или на родителей влияет на идентификацию детей.

Оказывается, у манос идентификация осуществлялась через идентификацию с родителями, у самоанцев — с членами своей возрастной группы и плюс еще в шесть-семь лет — с однополыми взрослыми. И в той, и в другой культуре мальчик полноценно ощущал себя мужчиной.

Как уже говорилось, помимо ориентации ребенка на возрастную группу или на родителей на развитие ребенка влияют нормативные (принятые) отношения в семье.

В качестве примера рассмотрим влияние нормативных отношений на половую идентификацию в манос. Нормативные отношения в семье влияют на гендерные отличия. По словам Мид, в большинстве культур более инициативными являются мужчины. Однако она встретила культуру чамбули, где мальчики не являлись самыми перспективными членами общины, наиболее любознательными, свободными в своих интеллектуальных проявлениях были девочки. Оказывается, формально мужчины возглавляли семьи, но фактически всем существенным управляли женщины: они одевали мужчин и детей и шли по своим делам,

¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1983.

будничные, деловые, умелые. В это время в церемониальных домах на берегу озера мужчины вырезали из дерева, писали красками, сплетничали, впадали в истерику, соперничали.

Безусловно, на развитие ребенка *вливают главные ценности культуры*, поскольку они определяют набор поведения, который родители стремятся сформировать в своем ребенке, чтобы он был успешен в обществе.

В индивидуалистических культурах родители будут больше внимания уделять личным достижениям ребенка, формировать у него конкурентность, амбициозность. Для них будут важны творческие способности ребенка, независимость и свобода, умение принять ответственность за свою жизнь на себя.

Дети-индивидуалисты направлены на изменение окружающей среды, хорошо умеют отстаивать свои права. Принятие помощи нередко рассматривается ими как угроза снижения самооценки.

В коллективистических культурах акцент делается на умении ребенка устанавливать теплые отношения с окружающими; особенно тщательно формируются у детей такие качества, как подчинение, надежность, чувство долга, аккуратность и порядок. Дети-коллективисты умеют изменяться и приспосабливаться к окружающей среде, просить помощь и пользоваться ею.

От культуры будут зависеть и гендерные отличия детей. В каких-то культурах половые роли достаточно размыты и нет требований к их строгому исполнению, в каких-то они четко определены. В связи с этим, если ребенок из культуры со строго определенной половой ролью попадет в культуру с большей свободой ее проявления, у него может появиться ролевой конфликт.

При рассмотрении влияния культуры на развитие детей необходимо особо остановиться на роли *главных социализаторов ребенка*, которыми могут быть как кровные родители (при этом их удельный вес в воспитании может быть различным), так и ближайшее родственное окружение (дяди, тети, старшие братья, сестры).

Иногда большое значение имеют отношения ребенка с родом, соседями или так называемой расширенной семьей.

Начнем с описания воспитания ребенка в ядерной семье — отцом и матерью. От культуры во многом зависит, кто из родителей больше влияет на воспитание детей. Воспитание осуществляется тремя путями.

Первый путь — воспитание через установление авторитетности в семье и принятие основных решений. Во многих маскулинных культурах, например, большим авторитетом в семье является отец.

Второй путь — воспитание через установление эмоциональной близости и, как следствие, большей возможности неавторитарного влияния родителей.

Как пишет Г. К. Триандис, наиболее близкие отношения между родителями и детьми в коллективистических культурах.

При этом культуры различаются значимостью отношений с разными родителями. Например, отношение «отец — сын» особо значимо в Китае, а «мать — сын» — в Индии.

В культурах с большой дистанцией власти и значимостью отношений «отец — сын» от детей требуется обязательное послушание, строгое следование требованиям старших.

Во многих культурах с влиянием ядерной семьи сопоставимо влияние расширенной семьи. Как пишет Триандис, в некоторых культурах коллективистического типа очень важны отношения с соседями или одноклассниками (Япония). Во многих странах Африки особую роль играет племя.

И. Д. Пчелинцева и Л. Т. Соловьева, описывающие традиции родственной солидарности в Закавказье, анализируют существовавшие взаимоотношения в семьях абхазов, азербайджанцев, армян, грузин, осетин и рассматривают явление патронимии, через которую осуществлялось влияние расширенной семьи на семью в целом и ребенка в частности. Исторически патронимии складывались на основе определенного территориального, хозяйственного и идеологического единства, в основном по отцовской линии. Главной чертой патронимии была взаимопомощь, которая в первую очередь касалась рождения детей и их воспитания.

Материнская линия родства у народов Закавказья была хотя и не столь значима, как отцовская, но тем не менее не утрачивала важных позиций в семейно-родственных связях. К материнской родне относились с особым уважением. Нередко в народе считали, что родство по матери ближе, чем родство по отцу. Материнская родня в случае необходимости была обязана оказывать сородичу помощь так же, как и отцовская (в обрядах жизненного цикла, в случае кровной мести и др.). Так, у грузин Мегрелии вдову с детьми обычно забирал к себе ее брат или другие родственники, и дети возвращались в семью отца лишь когда становились взрослыми.

Выйдя замуж, женщина не прерывала связей с отчим домом. Так, у грузин Сванетии дочь ежегодно на Новый год получала от родителей в подарок скот (быка, лошадь и т.п.), бурдюк водки; в случае ее смерти этот дар причитался ее мужу и детям. Как здесь говорили, «ни один пир в доме родителей не должен миновать дочери». Обязательным было присутствие замужней женщины в родном селе в дни престольных праздников. У абхазов, осетин, армян существовал обычай: после рождения ребенка женщина на более или менее длительный срок возвращалась в родительский дом; в Грузии женщина рожала первого ребенка в доме своих родителей. У всех народов Закавказья колыбель для первенца по традиции должны были принести родственники матери. Особое место отводилось братьям матери: в обрядах жизненного цикла они, как правило, выступали как самые близкие родственники.

Солидарность и взаимопомощь объединяли не только кровных родственников, но и лиц, связанных узами искусственного родства (молочное родство, побратимство, посестримство, восприимничество). Особым почитанием пользовалось духовное родство: крестный отец у христиан (*натлиа* у грузин, *кавор* у армян) и восприемник-кирва у мусульман (азербайджанцы, грузины Аджарии). У грузин Мегрелии существовал и такой вид названного родства: по обычаю можно было «обрести» родственника взамен умершего. После окончания траура человек, постригший волосы соблюдавшему траур, становился соответственно «обретенной матерью», «обретенным братом», «обретенной сестрой»; на него распространялись те права и обязанности, которые соответствовали данной степени родства.

Похожий материал представлен в работе Л. Ф. Моногаровой, описывающей ранее существовавшие семейные отношений у таджиков и памирских народов и отмечающей наличие у них как патронимии, таки и джур — объединения сверстников у мужчин.

Семья у мусульман Среднеазиатского региона, как и в других странах зарубежного Востока, не автономная самодовлеющая единица, а ячейка стоящего над ней социального института — патронимии (семейно-родственной группы, ведущей свое происхождение от общего памятного предка, жившего семь, чаще — пять поколений тому назад). Патронимия объединяет и малые, и неразделенные семьи, связанные агнатным родством. Малые семьи подразделя-

ются на полные и неполные. Полные малые семьи состоят из одной брачной пары с детьми, не состоящими в браке (или без них), т.е. нуклеарная и так называемая расширенная семья, включающая в свой состав кроме супругов и их детей одного из родителей супругов, иногда и других родственников. Неполная малая семья не имеет в своем составе супружеские пары и состоит из одного родителя (вдового или разведенного) с детьми, не состоящими в браке, и другими родственниками или без них.

Неразделенная семья включает в свой состав всегда две брачные пары или более, чаще — супругов с одним или более женатыми сыновьями, их не состоящих в браке малолетних детей и других родственников или семьи двух и более женатых братьев, иногда и живущих с ними вместе других родственников. Глава семьи обычно отец, во втором случае один из братьев, теперь не обязательно старший, а наиболее предприимчивый. Следует всегда помнить, что каждая отдельная семья не представляет собой застывшую форму: неразделенная при выделе женатого сына или одного из двух женатых братьев превращается в малую, затем при женитьбе следующего сына (в отцовской семье) или следующего брата (в семье братьев) снова становится неразделенной. Полная малая семья после смерти одного из супругов становится неполной малой, а при женитьбе одного из сыновей — снова полной малой и т.п.

Для семей одной патронимии, как и на Кавказе, обязательна взаимопомощь в хозяйственной деятельности и при проведении семейной обрядности: рождение ребенка, обрезание мальчика, свадьба, а также при проведении цикла погребально-поминальных обрядов.

Хранителем культурных ценностей является старшее поколение патронимии, так как в малых нуклеарных семьях, состоящих из супругов и их не находящихся в браке детей, оно отсутствует. Старшие передают хранимые ими традиционные культурные ценности среднему и младшему поколению.

Как отмечает Моногарова, значение патронимии как социального института, объединяющего родственные семьи, будет еще долго сохраняться, потому что она в настоящее время продолжает выполнять определенные социальные функции: заботится о своих членах, несет моральную ответственность за воспитание и дальнейшую жизнедеятельность любого члена патронимии, опекает одиноких стариков